

РАМИЛЬ ЗАЙНУЛЛИН

ПРИТВОРИТЬСЯ СПЯЩИМ

Рамиль Зайнуллин

Притвориться спящим

«Автор»

2026

Зайнуллин Р.

Притвориться спящим / Р. Зайнуллин — «Автор», 2026

Осень 2004 года. Обычная российская воинская часть. Двое восемнадцатилетних парней пытаются пережить первые месяцы службы, где каждое решение может определить, останешься ли ты человеком. Один стремится стать сильным и всегда побеждать. Другой всю жизнь избегал конфликтов, оставаясь незаметным. Их дружбе предстоит пройти через страх, предательство, чувство вины и прощение. Это роман о взрослении. История о том, как прошлое незаметно управляет нашими поступками. И о том, что иногда самый тяжёлый бой человек ведёт не с противниками, а с самим собой.

© Зайнуллин Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Посвящение	5
Дисклеймер	6
Эпизод 1	7
Эпизод 2	9
Эпизод 3	11
Эпизод 4	14
Эпизод 5	17
Эпизод 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Притвориться спящим

Посвящение

Посвящается всем, кто хоть однажды притворялся спящим.

Дисклеймер

Все персонажи, события и обстоятельства, описанные в книге, являются художественным вымыслом. Любые совпадения с реальными людьми, организациями или событиями случайны либо используются исключительно в художественных целях.

Эпизод 1

Когда тебе всего восемнадцать, два года — это много или мало? Если оглянуться назад — одно мгновение. Если они ещё впереди — почти вечность.

Динар вглядывался в темноту за окном обшарпанной маршрутки, уносившей его всё дальше от родного дома.

Ещё пару часов назад он сидел за столом в кругу родственников и друзей. Звучали тосты и напутствия. В этот торжественный момент Динару искренне хотелось верить, что все эти люди собрались здесь ради него, а не ради бесплатной выпивки.

Но что-то подсказывало: это не так. Может быть, потому что за вечер его имя несколько раз перепутали. А может, потому что ещё вчера многие из этих людей проходили мимо, даже не здороваясь.

Проводы в армию — важный ритуал в жизни каждого парня. Грань, за которой заканчивается детство. Жаль только, что, кажется, никому вокруг это не было по-настоящему важно.

На щеках ещё горели поцелуи рыжеволосой девушки, которая со слезами на глазах провожала солдата в дальний путь. Удивительно, но они были знакомы всего несколько часов. Однако в тот момент Динар был готов поклясться, что это та самая, единственная.

Позже, когда хмель выветрится из головы и эмоции остынут, он даже её имя вспомнит с трудом. Но сейчас стройный, почти воздушный образ ещё свеж в памяти.

Девчонки всегда обращали на него внимание. Большие карие глаза, густые каштановые волосы, правильные черты лица, высокий рост — природа была к Динару щедра. Только сам он почему-то редко это замечал.

Белая «Газель» неслась в ночь, за окном мелькали усталые бледные фонари. Хорошо бы сейчас заснуть. Хотя бы на несколько минут выкинуть всё это из головы.

Но попутчики громко смеялись и разговаривали, будто продолжали праздновать. Ладно. Всё равно попросить их вести себя потише смелости не хватит. Лучше держаться подальше. Молчать. Смотреть в окно. Снова пытаться заснуть.

От незнакомых лучше держаться подальше. Он давно усвоил эту закономерность: стоит подпустить постороннего человека близко — и он обязательно ударит в твоё самое слабое место. Вопрос времени. Поэтому безопаснее постоянно держать блок, не раскрываться, маневрировать на дистанции.

С близкими всё было ещё сложнее. Они не ищут слабые места — они их знают.

И всё же даже тот, для кого одиночество давно стало комфортной средой, в глубине души продолжает надеяться однажды встретить человека, рядом с которым больше не нужно быть начеку. Но, разумеется, вслух Динар об этом ни за что не скажет.

В детстве он любил подолгу рассматривать армейский альбом отца. С чёрно-белых фотографий на него смотрел невероятно красивый и статный мужчина. Будто не человек вовсе, а какой-то греческий полубог, которого по нелепой случайности занесло в их захолустье.

Динар взглянул на своё отражение в тёмном стекле маршрутки и в который раз удивился, как от такого совершенства могло получиться это недоразумение.

Внешнее сходство всё же проглядывалось. Но всё самое важное будто забыли вписать в завещание: бешеную харизму, решительный взгляд, дерзкий нрав. Динару не досталось ничего. Позорище!

Стыд — самый верный спутник: он почти осязаем. Вязкая, густая субстанция, пропитавшая его целиком. Если обычный человек на восемьдесят процентов состоит из воды, то Динар на восемьдесят процентов состоял из стыда.

В салоне пахло бензином, дешёвым пластиком и свежим пирогом с капустой, который старшая сестра заботливо положила ему в рюкзак, несмотря на его возражения.

Динар точно знал: в дороге он не сможет есть.

Но отстоять своё мнение в очередной раз не удалось. Да и было ли оно у него вообще? Всю жизнь Динар только и делал, что слушал других. Возможно, так и не успел обзавестись собственным.

Может быть, поэтому среди людей ему всегда было тяжело дышать. И только оставаясь один, он наконец мог вдохнуть полной грудью.

Но следующие два года ему предстояло провести бок о бок с сотней незнакомых парней. Спрятаться больше не получится. Каждый день придётся сталкиваться лицом к лицу со всеми своими страхами.

От одной этой мысли сердце сжалось. На глаза предательски навернулись слёзы.

Динар резко накинул на голову капюшон и отвернулся. Мужчины не плачут — это вечная истина.

Самое главное — оставаться ровным пацаном. Стоит дать слабину — разорвут в ту же секунду.

Проблема в том, что настоящий хищник всегда чувствует фальшь. Рано или поздно он всё равно тебя вычислит. Притворство может дать отсрочку — но не спасение.

Поэтому так важно — не выделяться. Не спорить. Не умничать. Не раздражать. Тогда, может быть, пронесёт. Ты ведь хорошо умеешь быть пустым местом? Всегда им был.

Это унижительно, но бывают ситуации, когда речь идёт не о чести, а о выживании.

Да и как бороться за своё достоинство, когда от твоего правого кроссовка в любой момент может оторваться подошва? Она держится буквально на твоих молитвах и честном слове.

Вот уже несколько дней Динар ходил очень осторожно, перенося центр тяжести на левую ногу.

И в каком-то странном смысле армия даже становилась избавлением: скоро выдадут новые кирзовые сапоги.

Сколько он себя помнит, бедность всегда была частью его жизни — преградой, которую невозможно преодолеть. Сколько ни карабкайся, сколько ни стирай пальцы в кровь.

Она повсюду вокруг: в постоянно пустом холодильнике, в найденном на свалке ржавом велосипеде, в усталых, беспомощных глазах матери и, конечно, в трепетной заботе о разорванном кроссовке.

Бедность близко дружила со стыдом. Была его надёжным союзником. Помогала ему безраздельно властвовать над Динаром. Из этого плена, как правило, не выбираются.

Тем временем маршрутка уже въезжала в город. Степь и редкие лесопосадки медленно уступали место серым многоэтажкам, дорожным знакам, пустым утренним улицам.

Где-то за горизонтом начинал светлеть небосвод — первые лучи солнца беспощадно пронзали ночь.

Юному Динару предстояло шагнуть в совершенно чужой для него мир — в реальность, к которой он совсем не был готов.

Эпизод 2

Огромный актовый зал тянулся вверх гипсовыми колоннами, теряясь в полумраке. Под ногами — старый деревянный пол, местами скрипучий и потёртый.

Перед сценой — переполненные ряды: почти все места заняты новобранцами в новой военной форме яркого цвета хаки и блестящих кирзовых сапогах.

Призывники быстро сбились в небольшие стайки. Перед лицом неизвестности человек почти всегда тянется к другому человеку.

Динар тоже примкнул к одной из таких компаний. Продолжать держаться отшельником теперь было небезопасно. Он знал правила этой игры. Они не меняются.

Смех, раздававшийся то тут, то там, был скорее нервным и натянутым. Каждый надеялся: если ржать достаточно громко, то страх никто не заметит.

Динар тоже внимательно слушал своих новых знакомых, кивал, делал вид, что ему интересно. Послушно смеялся вместе со всеми, хотя смешных шуток почти не было. Сейчас это было не важно. Важно было быть как все.

На сцену поднялся крепкий седовласый мужчина лет пятидесяти в военной форме. На его погонах красовались три звезды в ряд.

Мужчина объявил, что названные по фамилиям солдаты поедут с ним служить в войска противовоздушной обороны. В зале воцарилась мёртвая тишина.

Прапорщик своим могучим басом, плотным и звучным, как оркестровая труба, поочерёдно выкрикивал фамилии. Каждый названный поднимался на сцену к своему командиру.

Динар не мечтал именно об этих войсках. Ему было всё равно — лишь бы наконец прозвучала его фамилия. Он торчал в распределительном пункте третий день, и это уже походило на какую-то изощрённую пытку.

Похожее напряжение можно почувствовать в длинной очереди, в которой люди стоят уже очень давно. Или в междугороднем автобусе, когда сил сидеть на одном месте у пассажиров почти не осталось, мышцы ног сводит в неудобном положении, а до конечной ещё далеко.

С каждой новой фамилией надежды таяли. Вскоре последний счастливчик поднялся на сцену и присоединился к своей команде. Старший прапорщик выстроил новобранцев в колонну. Несколько чётких команд — и группа уже двинулась вслед за ним.

Гул в зале возобновился с новой силой.

Динар заметил, что в углу, отдельно от всех, сидел худой высокий парень. Новая военная форма ему была чуть мала, из-за чего он выглядел в ней немного нелепо и даже комично.

Будто он совершенно случайно оказался в этой роли и вот-вот ему объявят, что произошла ошибка, что он не прошёл этот «кастинг».

Незнакомец увлечённо рисовал что-то в блокноте. Он полностью отгородился от тревожной действительности, ушёл в свой собственный вымышленный мир — тихий, спокойный, безопасный, где всё подвластно его карандашу.

Динар тоже любил рисовать, поэтому остановился как завороченный. Непреодолимо потянуло к уютному островку, который создал вокруг себя художник.

Рисунок впечатлял. На листе был изображён воин в бронзовых доспехах со сверкающим мечом в руках. Каждый штрих был на своём месте. Было видно: рисовал человек, который знает, что делает. Казалось, ещё мгновение — и воин оживёт, шагнёт за край листа.

Динару тоже нравилось рисовать сильных героев с непроницаемыми лицами. Он иногда задумывался: почему именно такие персонажи у него получаются лучше всего? Что это — влияние Голливуда?

Высокий парень, заметив, что его рисунок заинтересовал незнакомца, что-то раздражённо пробормотал, ошетинился и начал спешно прятать блокнот за пазуху.

Похоже, он опасался насмешек. Среди пацанов это привычное дело — зацепиться за недостаточно брутальное хобби, унижить человека совершенно незаслуженно.

— Круто рисуешь, — искренне похвалил Динар. На этот раз без фальшивых реверансов. Просто и честно.

Собеседник это сразу почувствовал. Его настороженность не исчезла полностью, но выстраивание оборонительных редутов приостановилось.

Динар улыбнулся и протянул открытую ладонь — спокойно и плавно, показывая, что пришёл с миром.

Незнакомец на мгновение усомнился, но всё же ответил на жест и неловко пожал протянутую руку.

Рукопожатие — простой, почти незаметный ритуал среди мужчин, но в нём всегда больше смысла, чем кажется на первый взгляд.

— Ты где так научился? — спросил Динар.

— Да нигде особо, — парень неловко, почти застенчиво улыбнулся. — В колледже, на юрфаке... на парах от скуки рисовал всякую ерунду.

Он на секунду отвёл взгляд, будто заранее стесняясь того, что скажет дальше.

— Правда, я его бросил. Не доучился.

— Ну а я сельхоз закончил, — деловито сказал Динар. — Только до сих пор не понимаю, зачем.

Оба синхронно расхохотались. И на этот раз смех был искренним.

Разговор начал складываться сам собой — сначала неловко, отдельными фразами, а потом всё увереннее. Художника звали Марк.

Прошло всего несколько минут, а у обоих уже возникло странное ощущение: будто они знакомы очень давно. Возможно, дело было в сильном стрессе. А может, парни просто оказались чем-то похожи. Каждый будто понимал другого раньше, чем тот успевал договорить.

Жизнь — странная штука. Иногда один взгляд, одна фраза, один разговор способны изменить всё.

А в самые трудные времена близкий по духу человек может стать спасением.

Эпизод 3

Старший сержант третьей военно-строительной роты инженерных войск Гаджимурат Махов стоял один посреди пустой казармы. Ряды идеально заправленных кроватей уходили вдаль, выстраиваясь в геометрически ровные линии.

Стороннему человеку никогда не понять, зачем нужно с такой маниакальной точностью выравнивать койки, отбивать угол покрывала под идеальные девяносто градусов и ровнять кровати по нитке в огромном пустом зале.

Но Махов знал: в этом и заключалась вся суть военной службы. Мы не задаём вопросов — мы просто выполняем поставленную задачу.

Да и в целом это было просто красиво. Гаджи любил армейский порядок. В его глазах он был почти произведением искусства, созданным его собственными руками.

Его мощная, широкоплечая фигура возвышалась над ровными рядами кроватей. Смуглое, идеально выбритое лицо выглядело высеченным из холодного мрамора. Сапоги сияли почти зеркальным блеском, а золотистая бляха на ремне сверкала, словно драгоценный металл. На левой мускулистой руке выделялась красная повязка с надписью «Дежурный по роте».

В части Гаджи по праву считался настоящей легендой. Даже старшие офицеры относились к нему с уважением, граничащим с осторожностью. Особенно после случая, когда он вышел на спарринг с самим командиром роты.

Капитан Пархоменко — здоровенный мужик под два метра ростом и весом за центнер. Он нередко бравировал победой на чемпионате Москвы по каратэ в какие-то бородатые годы.

Однажды, находясь в изрядном подпитии, он решил проверить на прочность своего самого крепкого бойца.

Зачем ему это было нужно, понять сложно. Возможно, он хотел доказать себе и всем окружающим, что до сих пор не растерял ни навыков, ни чемпионского духа. А может, завидев достойного соперника, в нём проснулся первобытный инстинкт лидера, не терпящего конкуренции.

Махов только ухмыльнулся в ответ. Ему ещё до начала поединка было очевидно, что у капитана нет ни единого шанса.

Звание мастера спорта по вольной борьбе — аргумент, который не перебить ни массой, ни должностью.

В поединке у капитана, ожидаемо, ничего не получалось. Гаджи швырял здоровяка, как тряпичную куклу, по всей спортивной площадке. Его лицо оставалось совершенно спокойным и холодным — ни азарта, ни злости. После третьего сокрушительного падения Пархоменко, тяжело дыша, попросил остановить избиение.

Махов протянул ему руку и помог подняться. Капитан спешно удалился со своей свитой, рассуждая по пути, что, видимо, стал слишком стар для таких развлечений. Всем окружающим было видно, какую неловкость испытывает командир в этот момент.

Внутри старший сержант ликовал. Однако внешне он оставался воплощением холодного величия — ни одной лишней эмоции. Будто ничего не случилось, будто это было рядовое и неважное событие. Но всем вокруг было ясно: Акела промахнулся. В этой стае только что появился новый вождь.

Сейчас Гаджи сосредоточенно смотрел вдаль и мысленно готовился встречать пополнение — молодых, зелёных салаг, которых он будет учить уму-разуму. Для него это было важное событие.

Махов и сам не знал почему, но ему хотелось помочь этим мальчишкам стать сильнее. Вылепить из них настоящих мужчин — точно так же, как когда-то его тренер вылепил его

самого. Он точно знал, как это сделать. Ни малейших сомнений. Его методы были жёсткими, но рабочими.

Сержант чувствовал слабость за версту и презирал её. В его системе координат слабость всегда была следствием глупости. А глупый человек не мог рассчитывать на сострадание.

Возможно, ему даже было полезно опуститься до дна этой пищевой цепи, чтобы чётко уяснить законы сурового мужского мира. Научиться держать удар.

Сам Махов каким-то непостижимым образом всегда понимал суть этих законов. Жил по ним легко и естественно, словно был рождён именно для этой жёсткой среды.

А вот почему другим парням это даётся с таким трудом, он искренне не понимал. Может быть, это естественный отбор? Может, но шанса достоин каждый.

— Дежурный по роте на выход! — разнёсся по казарме крик дневального.

Махов устремился на призыв.

Когда он вышел на крыльцо казармы, ему открылась удивительная картина: две неровные шеренги совсем молодых, хилых, только что побритых наголо пацанов в новенькой, ещё топорщащейся форме.

Их было около восьмидесяти человек.

Старший сержант размеренно и степенно, с каким-то монаршим достоинством окинул взглядом эту безликую толпу. Он чувствовал страх, исходивший от них, видел его в широко раскрытых глазах. В такие моменты он особенно остро ощущал своё безоговорочное превосходство, свою избранность.

Почти сотня человек замерла перед ним ещё до того, как он успел открыть рот. В настоящей силе есть что-то животное — её распознают без слов, на уровне инстинкта.

Капитан Пархоменко неспешно подошёл к Махову, пожал ему руку и, чуть наклонившись, шепнул:

— Ну что, старшой... принимай пополнение. Только не жести, ладно?

Махов ничего не ответил, лишь загадочно улыбнулся и кивнул, производя впечатление человека, который точно знает, что нужно делать, и не сомневается в успехе.

Капитан, похоже, остался доволен этим молчаливым ответом. Он хлопнул Гаджи по плечу и неторопливо удалился, полностью вверив новобранцев своему лучшему сержанту, которым в глубине души гордился больше остальных.

— Ровняйся! Смирно! — рявкнул Гаджи.

Эти команды новобранцы уже успели выучить. Неуклюже, с запозданием, путаясь в движениях, они всё-таки вытянулись в напряжённую, как струна, прямую линию.

Старший сержант внимательно смотрел на молодняк, словно изучая каждого.

Вдруг взгляд Махова зацепился за нечто совершенно недопустимое. Высокий, нескладный светловолосый парень с серыми глазами в дальней шеренге ухмылялся и что-то шептал соседу. Казалось, они с трудом сдерживались, чтобы не расхохотаться в голос. Будто оба забыли, где находятся и кто перед ними.

Гаджи хорошо знал, что подобные вещи нужно давить сразу — жёстко и показательно, пока зараза не расплозлась по строю.

— Эй, длинный, ты чё зубы сушишь? Тебе весело? — пренебрежительно бросил Махов, обращаясь к нарушителю дисциплины.

Высокий парень, почувствовав опасность, немедленно замолчал и спрятал улыбку.

— Фамилия, боец! — продолжал наседавать Гаджи.

— Рядовой Васильев, — неловко ответил солдат.

— Зовут тебя как, чучело? — ухмыльнулся сержант.

— Марк, — растерянно ответил парень.

— Сегодня после отбоя готовься, шутник. Мы с тобой пообщаемся.

Марк вздрогнул, напрягся. Запоздалое сожаление накрыло его, но оно уже ничего не меняло — исправить ничего было нельзя.

У стоявшего рядом Динара были противоречивые чувства. С одной стороны — радость, что его самого пронесло. С другой — тревога за нового друга. Этот суровый сержант выглядел действительно угрожающе.

Он очень хотел помочь, но не понимал, возможно ли в этой ситуации вообще что-то сделать.

— Ко всем обращаюсь, духи! Я — старший сержант Махов, и со мной лучше не спорить, — прорычал Гаджи, обводя строй тяжёлым взглядом. — Если у кого-то есть возражения — готов обсудить лично. С каждым!

Он сделал почти театральную паузу, чтобы усилить эффект. Затем подытожил:

— Запомните: гражданская жизнь здесь закончилась.

Пацаны притихли и начали уводить взгляды в пол, стараясь не встречаться с ним глазами. Гаджи почувствовал это и понял: нужный эффект достигнут. Первое знакомство с ротой можно было считать состоявшимся.

— Так, салаги, сейчас вольно. В курилку — шагом марш. Через десять минут построение на плацу, — после паузы бросил Махов, словно подводя итог первому знакомству.

Он развернулся и быстро ушёл вглубь казармы, оставляя солдат переваривать случившееся.

Когда дверь за Маховым захлопнулась, шеренга синхронно выдохнула. Кто-то — громко, кто-то — едва слышно, но все — одновременно.

Динар вновь почувствовал знакомое чувство беспомощности — тяжёлое и липкое, от которого некуда было деться.

Эпизод 4

Над курилкой стоял гул. Разговоры накладывались друг на друга, смешивались и распались на обрывки фраз и взрывы смеха.

— Ну что, зассал, художник? — ухмыльнулся один из ребят.

Это был невысокий паренёк с удивительно острым языком. Динар ещё не успел запомнить его имя, но уже заметил, что тот изо всех сил старается казаться больше, чем есть на самом деле.

Вокруг послышались смешки. Марк натянуто улыбнулся и опустил глаза.

— Мне бы этот клоун что-нибудь предъявил — сразу бы зубы на пол выплюнул, — продолжал коротышка. — Но не каждому мужиком родиться дано.

Марк напрягся и уже начал подниматься с лавки, когда Динар неожиданно сказал:

— Пацаны... а вам этот сержант никого не напоминает?

Все удивлённо посмотрели на него.

— Кого ещё?

— Карлсона!

Повисла пауза.

— В смысле?

— Ну как же... «Он улетел, но обещал вернуться!»

Динар первым расхохотался.

Через секунду засмеялся кто-то ещё. Потом ещё. Вскоре смеялась уже вся курилка. Потрясающе неловкий момент.

Наверное, именно поэтому смех оказался таким заразительным. Разговор мгновенно свернул в другую сторону, и о недавнем конфликте все забыли.

Марк молча поймал взгляд Динара и едва заметно кивнул.

Когда тебе восемнадцать лет, невозможно относиться к жизни серьёзно, с какими бы испытаниями ты ни столкнулся.

Шумное сборище не утихало. Ребята продолжали смеяться, перебивать друг друга, делиться обрывками своих воспоминаний, надежд, мечтаний и впечатлений.

Динар наблюдал за происходящим с живым интересом. Он не стремился быть в центре событий — скорее держался в стороне, наблюдал.

Он так погружался в чужие рассказы, что казалось, проживал их вместе с рассказчиком. Улавливал интонации, полутона, случайные оговорки и несостыковки. Быстро понимал, где человек приукрашивает, а где откровенно врёт.

Поэтому почти всегда знал, как себя вести: что сказать, когда промолчать, какую эмоцию выдать, чтобы собеседнику рядом с ним было комфортно. Чтобы не спровоцировать агрессию.

Только в беседах с Марком Динар мог не играть роль, говорить честно — от этого собеседника как будто не исходило опасности. Подыгрывать было необязательно, хотя он всё равно делал это по привычке. Видимо, эта способность уже приросла к нему окончательно.

Динар знал, откуда родом эта тактика.

В раннем детстве, как и у многих советских детей, его воспитанием занималась бабушка. Она очень любила внука и полностью жила им. Но эту любовь нельзя назвать лёгкой и нежной — скорее она ощущалась почти удушающей.

Взамен своей любви бабушка ожидала почитания и полного подчинения. Если у внука появлялись желания или мнения, не вписывающиеся в её картину мира, она подавляла этот бунт жёстко и эффективно.

Динар немедленно был морально уничтожен, призван стыдиться своей чёрной неблагодарности и безответственности, после чего следующие несколько часов обнаруживал себя стоящим в углу.

Выйти из которого можно было тоже только через очередное унижение. Нужно было подойти к бабуле и попросить прощения, отыграть так, чтобы она поверила в искренность. В ответ бабушка перечисляла все его недостатки и, несмотря на них, обнимала и «прощала» — с видом человека, который великодушен даже к тому, кто этого не заслуживает.

Конечно, такое положение дел Динара не устраивало, но что он мог? Иногда он пытался отстоять свои права, но каждый раз проигрывал — быстро и без шансов. Бабушка поистине была великолепным манипулятором, который легко заставлял ребёнка сомневаться в своей правоте, а позже — и сильно сожалеть о своём поведении.

А больше всего бабушка не любила, когда Динар плакал — это приводило её в бешенство. Она неистово кричала, чтобы он немедленно заткнулся, сыпала проклятиями, называла его тряпкой, слабаком и «не мужчиной».

Динар изо всех сил пытался взять себя в руки, но ком снова подступал к горлу, и новая волна слёз накрывала его с головой. Он всхлипывал, сбиваясь, повторяя одно и то же:

— Бабуля, прости... я сейчас успокоюсь... бабуля, извини, у меня пока не получается...

Маленький Динар приспособливался. Со временем он усвоил: сопротивление бесполезно, будет только хуже. В прямом столкновении он всегда проигрывает.

Поэтому он старался угождать бабушке, чтобы она не злилась: улыбаться, говорить, какая она хорошая и красивая, обнимать — делать всё, чтобы не вызвать раздражение и удержать её в спокойном состоянии.

На самом деле обнимать человека, которого ты всей душой ненавидишь, — отвратительно.

Динар помнил это мерзкое ощущение, помнил запах её дешёвых духов.

Но речь шла не о достоинстве, а о выживании.

Главной его задачей стало точно считывать настроение непредсказуемой бабушки: ловить эмоции и намёки, чтобы заранее заметить возможный конфликт и не допустить его.

Он старался быть тихим, послушным, удобным и незаметным. Всё внимание было направлено только на это.

В детских фантазиях маленький Динар вырос и больше не боялся бабушку. Он наконец мог спокойно сказать ей всё, что когда-то не решался: про свои обиды, про несправедливость, про моменты, где она была слишком жестока.

Но этим мечтам не суждено было сбыться.

Бабушка давно умерла, но стыд и страх, которые она в нём взрастила, остались.

Прозвучала команда к построению. Солдаты, ворча и с недовольными физиономиями, покидали курилку. Динар одним из первых встал в строй. Колонна постепенно формировалась вокруг него. Каждый солдат занимал своё место. Разношерстная толпа превращалась в единый синхронный механизм, который по команде двинулся в заданном направлении.

Плац представлял собой асфальтированную площадку примерно восемь на шестнадцать метров. В центре, по правой бровке, стоял флагшток с триколором на вершине.

Динара поразила почти стерильная чистота асфальта. Позже он узнает о еженедельной традиции — мыть плац с мылом.

На плацу молодняк ожидали Махов, Порхоменко и ещё два неизвестных ребятам сержанта. Один из них — полный и одновременно мускулистый; так обычно выглядят штангисты или стронгмены. На его фоне даже Гаджи смотрелся миниатюрным.

Второй, напротив, был стройным и подтянутым. Его кудрявые чёрные, как смола, волосы слегка выходили за уставные рамки длины — будто он намеренно позволял себе эту небольшую вольность как знак своего особого положения.

Следующие полчаса сержанты наперебой разъясняли правила проживания в казарме и красочно описывали кары, которые ждут тех, кто рискнёт их нарушить.

Капитан Порхоменко стоял в стороне и почти не участвовал, лишь отстранённо наблюдая, как стараются трое его младших командиров, которые не так давно сами впервые приехали в часть и растерянно смотрели на него из строя. Круговорот солдат в военной части — явление для него не новое, но каждый раз захватывающее.

Динар стоял в строю и почти не слышал, что говорят сержанты. Он воодушевлённо разглядывал потрясающе красивое звёздное небо над их головами. Он часто задавался вопросом, почему большинство людей не видят вокруг этой красоты. А он всё видит, замечает и чувствует. Это великий дар или ужасное проклятие — он пока ещё не разобрался.

Эпизод 5

Когда казарма наконец затихала и дневная суeta оставалась позади, Махов любил неспешно прогуливаться по взлётке между двухъярусными койками, слушая редкий скрип пружин и безмятежную ночную тишину.

Мысли уносили его домой — туда, где всегда было шумно и весело. Он вспоминал большую семью, родной двор и Шейха — огромного лохматого алабая, с которым они выросли вместе.

Каждое утро они вдвоём выходили на пробежку. Гаджи, как всегда, готовился к соревнованиям, а Шейх мчался рядом — просто за компанию, тяжело дыша и отвлекаясь на каждый шорох в кустах. Хозяин коротко посвистывал — и пёс тут же нагонял его. На финише их неизменно ждала прозрачная и бескрайняя водная гладь. Оба бросались в воду с разбега, резвились как дети — счастьем их не было предела.

Мама говорила, что первые две недели после его отъезда пёс не находил себе места: скулил по ночам, отказывался от еды и заметно исхудал.

Но постепенно Шейх притих. Смирился — или просто научился жить с этой пустотой, оставшейся после пропажи лучшего друга.

Приехав в отпуск прошлым летом, Гаджи первым делом побежал к Шейху — проведать, как этот старый пройдоха поживает. Но стоило ему появиться во дворе в военной форме, как пёс напрягся. Шерсть на загривке встала дыбом, из груди вырвалось глухое рычание.

— Ну что ты... забыл своего друга? — грустно выдохнул Гаджи.

Шейх застыл в напряжении, как сжатая пружина. Взгляд — яростный. Ещё мгновение — и он сорвётся в бросок, вцепится в незнакомца.

И вдруг раздался свист — тот самый, знакомый с щенячьего детства.

В глазах пса на секунду мелькнуло недоумение — и тут же сменилось чистым, безудержным счастьем, на которое способно только преданное собачье сердце.

Шейх взорвался радостью — завилял хвостом, прыгнул на хозяина и едва не сбил его с ног, ластаясь и облизывая руки.

Гаджи опустился на одно колено и обнял пса так, как обнимают только самых близких друзей после долгой разлуки.

Следующие тридцать суток отпуска они были неразлучны.

— Гаджи, ты надоел. Когда уже пойдём духа наказывать?

Махов резко вернулся из тёплых воспоминаний, будто его окатили холодной водой. Перед ним стоял черноволосый кудрявый сержант.

Гаджимурат, не скрывая раздражения, медленно поднял взгляд.

— Азамат, ты не путай. Здесь я решаю, когда, кого и за что наказывать.

Сержант изменился в лице — будто хотел ответить, но в последний момент понял, что не потянет этот разговор.

Они были земляками. С самого начала между Гаджи и Азаматом сложились особые отношения.

Махов с первых дней службы вытаскивал его из любых передраг, в которые тот регулярно и охотно влипал.

И званием сержанта этот разгильдяй во многом тоже был обязан Гаджи — его рекомендациям и авторитету.

Но и спрос с Азамата был особый. После каждой его выходки неизбежно следовал тяжёлый разговор за закрытыми дверями. В этих разговорах Гаджимурат позволял себе многое, иногда даже рукоприкладство.

Эффект от этого был временный. Но у Махова не было других вариантов: он хорошо знал родителей этого парня и обещал, что не оставит его без присмотра.

В полумраке спящей казармы, на другом конце взлётки показалась мощная, исполинская фигура, уверенно приближающаяся к Гаджи и Азамату.

Валера Егоров — парень крупный от природы, с богатырским телосложением, живое воплощение физической мощи.

Верный друг и правая рука Гаджимурата.

Простой, бесхитростный и даже немного наивный парень, несмотря на свою грозную внешность.

Когда Махов впервые его увидел, то сразу понял: этот громила может стать проблемой, если оставить его без присмотра. Поэтому решил держать Валеру рядом, в зоне своего влияния.

— Гаджи, я этого длинного, который ржал, уже поднял и в умывальник отвёл. Он там тебя ждёт. Пойдёшь? Или я сам?

Махов усмехнулся, хлопнул Валеру по плечу и с важным видом направился к общему умывальнику.

Следом за ним двинулись и оба его помощника — такого зрелища они пропустить не могли.

Марк стоял у холодной кафельной стены и старался не смотреть в зеркало. Он сейчас очень жалел о своей выходке, но исправить уже ничего не мог.

Дверь открылась — вошли трое. Махов впереди, двое сзади — словно монарх и его телохранители.

— Дух, ты боишься? — голос Гаджи был вязким, спокойным, почти ласковым. Но от этого становилось только страшнее.

— Нет, — сказал Марк и тут же разозлился на себя за дрожь в голосе.

— Молодец! Сказал бы «боюсь» — сразу бы получил.

Махов шагнул ближе. От него веяло спокойствием — странным, почти неуместным.

— Давай так. Без беспредела. Один на один. Ответишь за свой поступок.

Его друзья засмеялись. Марк не понял, шутка это или нет, и молча принял подобие боксёрской стойки.

Гаджи удивился такому повороту и даже одобрительно кивнул сопернику. И в ту же секунду отвесил ему такую увесистую оплеуху, что у того зазвенело в ушах.

Марк пошатнулся, отступил назад, но только чтобы оттолкнуться от стены и со всей силы врезать противнику правым кулаком в левую скулу.

Удар был достаточно силён и застал Махова врасплох. На секунду в голове помутнело.

Телохранители ахнули и уже дёрнулись в сторону наглого «духа».

— Стоять! — проревел Гаджи, словно раненый лев.

Одним отточенным до автоматизма движением старший сержант молниеносно влетел в ноги, подхватил соперника и с силой впечатал его в пол. Не давая опомниться, навалился сверху.

Удары посыпались как горох — в плечо, в рёбра, в голову.

Марк закрыл лицо руками, сжался, вжался в холодный пол.

Примерно через минуту всё стихло. Он слышал только своё сердце и тяжёлое дыхание сверху.

Гаджи встал и протянул руку лежащему на полу побеждённому сопернику. Марк на секунду засомневался, но всё же принял её и позволил себе помочь.

— Всё по-честному. Один на один, — тихо и удовлетворённо сказал Гаджи.

Затем все трое сержантов развернулись и спокойно, буднично ушли, будто ничего особенного здесь не произошло.

Марк ещё какое-то время приходил в себя, умывался холодной водой. Лицо болело.

Чувства были смешанные — он не понимал, гордиться этим эпизодом или лучше сделать вид, что его никогда не было.

Эпизод 6

Над казармой повисла тишина. Не та, что расслабляет и успокаивает, — наоборот, такое затишье обычно бывает перед бурей. Сквозь неё время от времени пробивались чужие вздохи, скрип пружин, кашель. Металлическая койка казалась холодной и чужой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.